

В. А. ТУНИМАНОВ

Л. К. ПАНИЮТИН И «БОБОК» ДОСТОЕВСКОГО

Небольшой «фантастический» рассказ Достоевского «Бобок» безусловно принадлежит к числу самых загадочных и глубоких творений писателя. Это сатира универсальная по содержанию и безупречная по форме. Смысл, жанр, стилистическое своеобразие рассказа Достоевского давно уже стали предметом пристального внимания не только специалистов-филологов (Л. П. Гроссман, М. М. Бахтин, К. О. Мочульский), но и писателей (А. Белый). Сложилась традиция интерпретации «Бобка» в широком символическом плане. В. В. Виноградов отделял «Бобок» от других злободневных фельетонов и статей, вошедших в «Дневник писателя».¹ Бахтин, анализируя жанровую природу «Бобка», не останавливается на конкретном содержании рассказа, являющегося, по мнению исследователя, «одной из величайших мениппей во всей мировой литературе». Он убедительно обосновывает свой тезис, высказывая глубокую мысль о сближении у Достоевского мениппей с мистерией. Прослеживая традиции и развитие жанра мениппей во Франции и Германии (Фенелон, Фонтенель, Буало, Вольтер, Дидро, Гёте, Гофман), Бахтин упоминает мельком и русских писателей XVIII в., сочинявших «разговоры в царстве мертвых»,² справедливо в то же время подчеркивая новаторский характер мениппей Достоевского, ничего общего не имеющей со «стилизацией умершего жанра».³

Несомненно, однако, что сами по себе далекие жанровые источники «Бобка» (от античной мениппей до «разговоров в цар-

¹ См.: Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1964, с. 574.

² В этом жанре писали, помимо названного Бахтиным А. П. Сумарокова, М. Д. Чулков и М. Н. Муравьев (см.: Алексеев М. П. Первое знакомство с Данте в России. — В кн.: От классицизма к романтизму. Л., 1970, с. 31). Н. Ф. Кошанский, автор учебника «Частная риторика», приводит много примеров из «Разговоров мертвых» Муравьева.

³ См.: Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 3-е. М., 1972, с. 234—251.

стве мертвых» русских авторов XVIII в.), помогая в самом общем виде определить жанровую природу и художественное своеобразие рассказа Достоевского, не проясняют его злободневный, полемический смысл, конкретную творческую историю создания произведения.

Между тем «Бобок» насыщен конкретно-полемическими мотивами и в этом смысле совершенно подобен другим статьям, вошедшим в «Дневник писателя». «Реальное», современное содержание полемики, выявление объектов иронических выпадов Достоевского помогают понять как смысл рассказа, так и некоторые причины, побудившие писателя воспользоваться старинной формой «разговоров мертвецов» с аллюзиями, по верному замечанию Бахтина, на «сократический диалог» (кладбищенский философ Платон Николаевич).

Появлению «Бобка» предшествовала «литературная травля» Достоевского петербургской журналистикой, вызванная появлением его романа «Бесы» и редактированием им с 1873 г. одиозного еженедельника князя Менцера «Гражданин». Достоевский много раз собирался написать подробный и обстоятельный ответ своим критикам и «литературным врагам». Но в конце концов отказался от такого намерения,⁴ ограничившись отдельными репликами и слегка завуалированными намеками. Впрочем, ничего из «врагов» и «обидчиков» Достоевский не простил.

Не забыл он и фельетониста «пенавистного» «Голоса» Л. К. Панютин (1831—1882), подписывавшегося псевдонимом «Нил Адмирари» («Ничему не удивляйся» — лат.) Возможно, что Достоевский в «Бобке» иронически задевает и самый псевдоним Панютин, вводя в «записки» сентенцию об удивлении.⁵ Но это только предположение.

Достоевского больно затронули частые выпады петербургских фельетонистов и критиков, писавших о болезненном состоянии автора «Бесов», близком к умопомешательству. Панютин, рассуждая на ставшую уже банальной к тому времени тему о дописавшемся до «чертиков» авторе «Бесов», превзошел своих предшественников, прямо коснувшись не только личности, но и «физиономии» Достоевского: «„Дневник писателя“ <...> напоминает известные записки, оканчивающиеся восклицанием: „А всстаки у алжирского бея на носу шишка!“ Довольно взглянуть на портрет автора „Дневника писателя“, выставленный в настоящее время в Академии художеств (имеется в виду известный портрет работы В. Г. Перова, — В. Т.), чтобы почувствовать к г-ну До-

⁴ Мотивы отказа частично были им объяснены в «Полписеме „одного лица“» (1873).

⁵ «Всеуму удивляться, конечно, глупо, а ничему не удивляться гораздо красивее и почему-то признаю за хороший тон. Но вряд ли так в сущности. По-моему, ничему не удивляться гораздо глупее, чем всеуму удивляться. Да и кроме того: ничему не удивляться почти то же, что ничего и не уважать. Да глупый человек и не может уважать» (XI, 44).

стоевскому ту самую „жалостливость“, над которой он так некстати глумится в своем журнале. Это портрет человека, истомленного тяжким недугом». ⁶ В «Бобке» «одно лицо» так отвечает на недостойную выходку Папютина: «Я не обижаясь, я человек робкий; но, однако же, вот меня и сумасшедшим сделали. Списал с меня живописец портрет из случайности: „Все-таки ты, говорит, литератор“. Я дался, он и выставил. Читайте: „Ступайте смотреть на это болезненное, близкое к помешательству лицо“. Оно пусть, но ведь как же, однако, так прямо в печати? В печати надо всё благородное; идеалов надо, а тут...» ⁷

Журнальная и газетная полемика вокруг «Бесов» и «Дневника писателя» предопределила болезненное состояние «одного лица», записками которого, по авторскому объяснению, и является рассказ «Бобка». «Записки одного лица», очевидно не без «подсказки» Папютина, оказались близки (стиль, жанр, герой) к другим и очень «известным» — «Запискам сумасшедшего» Гоголя. ⁸ Разительно напоминает стиль дневника Поприщина «рубленный слог» героя-фельетониста «Бобка». ⁹ Почти аналогичным образом мотивируются фантазмагоричные видения героев обоих произведений. Поприщину констатирует изменения, происшедшие с ним: «Признаюсь, с недавнего времени я начинаю иногда слышать и видеть такие вещи, которых никто еще не видывал и не слыхивал». ¹⁰ Герой «Бобка» о себе: «Со мной что-то странное происходит. И характер меняется, и голова болит. Я начинаю видеть и слышать какие-то странные вещи» (XI, 43).

Но этим «вклад» Папютина в творческую историю «Бобка» не исчерпывается. Предшественником — и близким — кладбищенского рассказа Достоевского явился фельетон того же Папютина в «Голосе», посвященный совсем не фельетонной теме: кладбищенским гуляниям на Смоленском кладбище (Голос, 1870, 2 августа, № 211). В целом фельетон Папютина зауряден; необычны тема и форма. Начинается он описанием традиционных хмельных оргий на могилах. Флапер-фельетонист наблюдает разные сцены и невольно подслушивает разговоры пьяных. Уставши от однообразных разговоров и почувствовав некоторую пеловкость ситуа-

ции, он удаляется от людей и в самой непринужденной позе располагается отдохнуть — «разлежся на солнечном припеке, с папирою в зубах, мысленно попросив у покойников извинения за беспокойство». ¹¹ Но мысль эта была услышана одним покойником, охотно извинившим фельетониста и вступившим с ним в разговор:

- «— Ничего-с, только потрудитесь немножко подвинуться вправо, — сказал мне кто-то.
- Позвольте, спрашиваю, узнать, с кем имею честь говорить?
- Был когда-то дворецким курьером.
- А теперь, смею спросить?
- Теперь-с, хе-хе-хе, не состою в списках живущих.
- Совершенно, значит, окончили земное существование?
- Совсем окончил-с, благодарение господу.
- И не сожалеете о нашей юдоли плача?
- Нисколько-с. Здесь, правда, и сыро и тесно, но праху моему нечего опасаться простуды.
- Однако ж, судя по вашему разговору, надо полагать, что язык ваш находится в нормальном состоянии.
- Не угадали-с. Языка я еще при жизни имел неприятность лишиться.
- Как так?
- Отрезали-с за то, что в пьяном виде герцога курляндского обозвал конюхом».

Далее «дворецкий курьер», пострадавший при Бироне, интересуется современным положением в России, произносит несколько банальных сентенций «живым людям в назидание» и живописует некоторых своих соседей по могилам. Фельетониста будит городской: разговор, естественно, прекращается, а вместе с ним оканчивается и фельетон.

Конечно, о «влиянии» Папютина на Достоевского не может быть и речи. Но можно предположить, что новый фельетон Папютина, вызвавший сарказм Достоевского, напомнил ему другой, более старый, «кладбищенский». В результате родился замысел рассказа от лица полубезумного героя, страдающего слуховыми галлюцинациями, одна из которых (разговоры современных мертвецов) и составила стержень произведения Достоевского, стилистически близкого к «Запискам сумасшедшего» Гоголя.

¹¹ «Одно лицо» ложится «на длинном камне в виде мраморного гроба»: разговоры мертвецов оно слышит каким-то непонятным образом. В фельетоне Папютина мотивировка простейшая: «вдремнулось».

⁶ Голос, 1873, 14 января, № 14.

⁷ «Одно лицо» так описывает скачкообразный, нервный процесс своих размышлений: «Начал с московской выставки, а кончил об удивлении, говоря вообще как о теме. Завершает «записки» литератор еще одним упоминанием портрета: «Спешу в „Гражданин“; там одного редактора портрет тоже выставили» (XI, 42, 54).

⁸ Сном Поприщина назвет свои размышления Достоевский в статье «Мечты и грезы», создававшейся одновременно с «Бобком».

⁹ Не исключено также, что «рубленный слог» неудавшегося литератора — своеобразное и, может быть, невольное подражание стилю М. П. Погодина: в 1840-е годы большой популярностью пользовались «Путевые записки г. Вёдрина» (1843) — пародия А. И. Герцена на путевой дневник Погодина «Год в чужих краях». В «Былом и думах» Герцен пишет о «рубленой сетке погодинских фраз» (Герцен А. И. Собр. соч. Т. IX. М., 1956, с. 168).

¹⁰ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. III. Л., 1938, с. 195.